

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.5>

Крот Максим Николаевич

"ПОРА ПЕРЕСТАТЬ НАКАЗЫВАТЬ ДЕТЕЙ ЗА ПРОВИННОСТИ ОТЦОВ...": ПОЛЬСКИЕ НАДЕЖДЫ В ЭПОХУ "ЭРЫ ДОВЕРИЯ" ОСЕНИ 1904 Г.

Провозглашение осенью 1904 г. министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским "эры доверия" к общественным силам породило в кругах польской интеллектуальной элиты, стоявшей на "угодной" (согласительной) позиции, надежды на возможность изменения дискриминационного правительственного курса в отношении польских земель. Это воплотилось в целом ряде обращений к министру. В статье рассматриваются основные положения предлагаемой в них новой модели взаимодействия имперского центра и польской окраины. Анализ данных писем призван помочь пересмотреть представление об априорном доминировании "конфликтности" в настроениях польской элиты относительного имперского центра.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/4/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 30-35. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

15. Толстиков В. С. Библиотеки в культурной жизни населения закрытых городов Урала во второй половине 1940-х – 1980-х гг. (на примере г. Озерска) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 119-124.
16. Толстиков В. С. Социокультурная среда закрытых городов Урала // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2012. № 10 (269). С. 119-123.
17. Толстиков В. С., Кузнецов В. Н. Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы. Екатеринбург: БКИ, 2017. 400 с.

LIBRARIES OF THE URAL CLOSED NUCLEAR ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL FORMATIONS IN THE PERIOD OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE 1990S

Konstantinova Al'fiya Gumarovna, Ph. D. in History

*Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg
Institute of Technology (Branch) of National Research Nuclear University "Moscow Engineering Physics Institute" in Lesnoi
alfijasharafullina@rambler.ru*

The article provides a retrospective analysis of the changes, which affected the activity of the libraries of the Ural closed administrative-territorial formations in the 1990s. Relying on published sources and archival data the author examines the most significant changes in library services that influenced the everyday life of such closed administrative-territorial formations as Lesnoi, Novouralsk, Ozersk, Snezhinsk and Trekhgorniy. The chosen approach has allowed the author to show that for the libraries of the Ural closed cities the 1990s became a period of essential organizational and technological changes (transfer to municipal property, structural changes, informatization, and integration into the Russian cultural space).

Key words and phrases: libraries; closed administrative-territorial formations; Lesnoi; Novouralsk; Ozersk; Snezhinsk; Trekhgorniy.

УДК 94(47).083

Дата поступления рукописи: 03.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.5>

Провозглашение осенью 1904 г. министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским «эры доверия» к общественным силам породило в кругах польской интеллектуальной элиты, стоявшей на «угодной» (согласительной) позиции, надежды на возможность изменения дискриминационного правительственного курса в отношении польских земель. Это воплотилось в целом ряде обращений к министру. В статье рассматриваются основные положения предлагаемой в них новой модели взаимодействия имперского центра и польской окраины. Анализ данных писем призван помочь пересмотреть представление об априорном доминировании «конфликтности» в настроениях польской элиты относительно имперского центра.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; Царство Польское; князь П. Д. Святополк-Мирский; национальный вопрос; В. Д. Спасович; граф В. Велепольский; письма к власти; русификация.

Крот Максим Николаевич, к.и.н., доцент

Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

mnkrot@srfedu.ru

«ПОРА ПЕРЕСТАТЬ НАКАЗЫВАТЬ ДЕТЕЙ ЗА ПРОВИННОСТИ ОТЦОВ...»: ПОЛЬСКИЕ НАДЕЖДЫ В ЭПОХУ «ЭРЫ ДОВЕРИЯ» ОСЕНИ 1904 Г.

*Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117
«Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».*

Осень 1904 г. вошла в русскую историю как эпоха «правительственной весны», когда после долгого перерыва власть продемонстрировала готовность к диалогу с общественностью и намерение приступить к новому витку модернизации общественно-политического строя государства. Новый министр внутренних дел, князь П. Д. Святополк-Мирский стремился форсировать процесс взаимовыгодного сотрудничества власти и общества путем создания законосовещательного представительного органа и комплекса сопоставляющих преобразований, направленных на общую либерализацию правительственного курса [8, с. 245-247].

Реноме умеренно-либерального государственного деятеля Святополк-Мирский заработал себе на посту Виленского генерал-губернатора, который он занимал с 1902 по 1904 гг. Для его деятельности на посту главы Северо-Западного края был характерен поиск новых моделей регулирования межэтнических отношений и управленческих методик, альтернативных сложившейся практике бюрократического национализма. Приветствуя назначение князя на пост главы министерства внутренних дел, газеты Северо-Западного края подчеркивали, что начальник края «с разноплеменным населением, с многообразными нуждами всегда являлся инициатором самых лучших начинаний в общественной жизни края и охотно шел навстречу всем проявлениям её» [9, с. 3].

Главной особенностью, выгодно отличавшей этого государственного деятеля от других представителей имперской администрации, являлась готовность прислушиваться к настроениям и насущным потребностям местной общественности, тщательно изучать и учитывать региональную специфику при определении основных направлений своей деятельности. Именно в этом состояла сущность модерной практики управления Святополк-Мирского, которую он реализовывал в Северо-Западном крае и впоследствии, заняв пост министра внутренних дел, стремился перенести на общероссийский уровень. Провозглашенная им «эра доверия» к общественным силам вызвала широкий отклик в общественных кругах, надеявшихся на возможность успешного сотрудничества с властью в деле решения накопившихся в стране проблем.

Эти надежды охватили и значительную часть умеренной польской интеллектуальной и политической элиты, стоявшей на «угодовой» (согласительной) позиции и надеявшейся на возможность репрессивного правительственного курса в отношении Польши.

Целью данной статьи является рассмотрение основных положений программы пересмотра положения Польши в составе Российской империи, предлагаемой умеренно-консервативной частью польской общественности осенью 1904 г. **Актуальность** и **новизна** исследования состоит в том, что до настоящего времени письма и обращения, в которых излагалась данная программа, находились практически вне сферы внимания ученых, что не позволяло составить полное представление о настроениях польского общества накануне Первой русской революции и, соответственно, дать взвешенную оценку характеру интеллектуального воздействия местной региональной общественности на имперскую власть.

К началу XX века в Царстве Польском по-прежнему действовали репрессивные положения, введенные после подавления восстания 1863-1864 гг.: закон «О воспрещении лицам польского происхождения приобретать помещичьи имения», 10%-я контрибуция на доходы дворянства, другие ограничительные меры, распространявшиеся на местное население. Польский язык был изгнан из образования, судопроизводства, административного управления; католическая церковь находилась под строгим полицейским надзором. При этом на польские земли не распространялось действие проведенных в России либеральных реформ.

Под влиянием начавшегося в стране общественно-политического подъема в конце 1904 г. в Варшаве и других польских городах прошли собрания представителей польской общественности. На этих собраниях доминировали умеренно-консервативные настроения, направленные на налаживание конструктивного диалога с имперскими властями [1, с. 278]. Надежды польских интеллектуалов на успешное взаимодействие с властью нашли свое выражение в целом ряде коллективных и индивидуальных писем к Святополк-Мирскому в октябре-декабре 1904 г. от имени умеренно-консервативной части польской общественности, в которых предлагалась ликвидация многочисленных ограничительных мер в отношении Польши и программа пересмотра её положения в составе Российской империи. Следует обратить внимание на тот факт, что к министру внутренних дел обращались представители наиболее уважаемой части польской общественности – родовитые аристократы, крупные землевладельцы и интеллектуалы, что обуславливало достаточно умеренный, лоялистский характер их проектов.

Наиболее значительным из рассматриваемых обращений была т.н. «докладная записка 23-х», подписанная известным юристом и общественным деятелем В. Д. Спасовичем, маркизом С. И. Велепольским, ксендом Хэлмицким, князем Радзивиллом, князем З. Любомирским и другими [4, д. 707]. Коллективный характер носила и «Докладная записка», поданная от имени графа Владислава Тышкевича, занимавшего пост главы Варшавского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле [Там же, д. 153]. Также следует упомянуть письма графа Владислава Велепольского [Там же, д. 508], графа Адама Красинского [Там же, д. 152], индивидуальные обращения Владимира Спасовича [Там же, д. 154], а также множество коротких адресов и обращений от представителей польской общественности, таких, например, как записка бывшего помещика Сигизмунда Маевского, написанная еще в августе 1904 г. [Там же, д. 1078].

Помимо этого, В. Спасович, В. Велепольский, граф И. Потоцкий, священник Э. Пильц и другие также обращались с просьбой разрешить создание Польского научного общества, направленного на развитие научных знаний на польском языке. Особо подчеркивалось, что данное общество будет носить исключительно научно-просветительский характер, не затрагивая политических и актуальных общественных вопросов [Там же, д. 227].

Столь массированное прямое обращение представителей польской общественности к министру внутренних дел было обусловлено целым рядом мотивов и обстоятельств.

Во-первых, особое значение среди них имел опыт деятельности П. Д. Святополк-Мирского на посту Виленского генерал-губернатора, который он занимал в 1902-1904 гг., зарекомендовав себя сторонником компромиссной, «мягкой» политики в отношении национальных окраин, продемонстрировав готовность прислушиваться к общественным пожеланиям и инициативам.

Во-вторых, в обращениях польских аристократов и интеллектуалов неоднократно указывалось на истечение своеобразного «срока давности» событий Январского восстания 1863-1864 гг., ставших причиной введения многих дискриминационных мер в отношении Польши. В течение сорока лет польское население проявляло полную лояльность имперскому центру, что трактовалось как «доказательство его политической зрелости».

В-третьих, в качестве дополнительного аргумента указывалось на то, что в проходившей в это время русско-японской войне поляки наравне с русскими и другими народами империи проливают свою кровь за общее дело, что демонстрировало их верность и давало основание снять с них ограничения, существовавшие в империи только для них.

Следует обратить внимание и на такой неявный и зачастую не указывавшийся открыто аргумент, как нарастание революционных настроений, как в Польше, так и в России, перед лицом которых умеренные силы

двух наций должны были сплотиться. Усиление радикальных настроений в польском обществе угрожало господствующему экономическому положению местной аристократии, подталкивая ее сотрудничеству с имперскими властями. В то же время, следует отметить, что в начале XX века происходила перестановка в иерархии угроз имперскому порядку: лояльный польский землевладелец, заинтересованный в сохранении своей собственности и привилегированного положения, представлялся менее опасным, нежели взбунтовавшийся русский крестьянин или мечтавший о конституции либерал [5, с. 243]. На это переосмысление ситуации верховной имперской властью в условиях назревавшей революции и рассчитывали польские аристократы.

Ну, и наконец, прямое обращение польских интеллектуалов к Святополк-Мирскому облегчалось тем, что последний принадлежал к древнему польско-белорусскому княжескому роду, был лично знаком со многими представителями польской аристократии и воспринимался шляхтой как «свой», что в условиях предубеждения по отношению к правящей русской элите имело большое значение [6]. Между прочим, это обстоятельство стало основанием для обвинений министра внутренних дел со стороны его противников в русской бюрократической среде, называвших князя «поляком в душе», в симпатиях князя к этой нации [2, с. 299].

Основная суть большинства пожеланий, высказываемых в рассматриваемых обращениях, состояла в тезисе – «равноправие: равные обязанности – равные права». Иными словами, польская окраина и ее население должны были быть уравнины в своих правах с аналогичными категориями населения имперского центра.

Одно из наиболее обстоятельных и глубоких обращений к власти принадлежало перу русского и польского юриста-правоведа, публициста и общественного деятеля В. Д. Спасовича. Объясняя свое обращение к министру в личном письме, он подчеркивал, что всю свою жизнь «честно служил двум господам, двум одинаково дорогим мне нациям, стремясь, чтобы рознь, существующая между ними, ослабевала» [4, д. 1403, л. 1 об.]. Следует отметить, что Спасович, являвшийся, по выражению хорошо знавшего его философа и адвоката В. И. Танеева, «страстным поляком, поляком с головы до ног» [10, с. 364], представлял собой практически уникальный пример общественного деятеля, который, несмотря на свои «польские симпатии», пользовался в России большим уважением и авторитетом [3, с. 432]. Хотя Спасович и являлся, в первую очередь, представителем общеимперского культурного пространства, тем не менее в польской национальной памяти он рассматривается как польский патриот и защитник национальных интересов своего народа [13].

Проанализировав основные этапы русско-польских отношений с момента включения Польши в состав России, автор записки приходил к выводу о том, что главным препятствием к сближению «двух культурнейших славянских национальностей» является политика обрусения Польши, начатая как комплекс репрессивных мер и продолжавшаяся на постоянной основе в течение сорока лет. Эту политику Спасович называл «прибоем, покрывшим Польшу сравнительно тонким слоем русской волны», который, с одной стороны, закрыл страну перед глазами русского общества, убедив его в том, что поляки питают к русскому народу исключительно враждебные чувства, а с другой – поддерживал в польском населении крайне неблагоприятные представления о нравственных началах русских людей [4, д. 154, л. 4].

Первостепенной задачей настоящего момента Спасович считал «упразднение всех ограничений и исключительных мер, принятых после мятежа 1863 года». По его мнению, сам факт начала работы по выявлению и искоренению многочисленных ограничительных узаконений и распоряжений посредством создания особой Комиссии, учрежденной по инициативе Монарха, вызвал бы в польском обществе благодарность к России, усилил бы «верноподданнические чувства, которыми оно в большинстве своем одушевлено» [Там же, л. 4 об.].

Наиболее лояльным и умеренным обращением представителей польской общественности к министру внутренних дел было письмо крупного землевладельца, принадлежавшего к кругам высшей польской аристократии, графа Владислава Велепольского от 21 ноября 1904 г.

Первостепенным обстоятельством, создавшим возможность решительного пересмотра положения Польши в составе Российской империи, по мнению графа, была «польская кровь, воедино с русской пролитая на полях и сопках Манчжурии» [Там же, д. 508, л. 1 об.]. Помимо этого, основанием для своего обращения к российским властям он видел в Манифесте о веротерпимости, провозглашенном 26 февраля 1903 г., «свидетельствовавшем об одинаковой любви Государя ко всем своим подданным», в росте интереса русского общественного мнения к положению окраин империи, «привлекаемых к одинаковым с остальными областями повинностям, но лишенных одинаковых с ними прав», и, наконец, в призвании на пост министра внутренних дел человека, «снискавшего на многотрудном посту Виленского генерал-губернатора доверчивую любовь всех населявших Литву народностей» [Там же].

Лояльность Велепольского проявлялась в его характеристике Январского восстания 1863 г. как «преступления» польского народа, узаконившего упразднение автономии и комплекс репрессивных мер в отношении Польши, проводимых во второй половине XIX века. Права власти на «законную репрессию» он не отрицал. Однако, во-первых, по его мнению, «репрессия не может длиться вечно». Автор письма убеждал своего адресата в том, что за прошедший 40-летний период «произошло вытрезвление большинства поляков... примирение их с мыслью об утрате независимости, с мыслью о неразрывном соединении с Империей», что подтверждается «увеличением в среде польского общества числа людей, стремящихся к цели укоренения в крае идеи русской государственности, согласования её с сохранением выработанной веками национальной самобытности, языка и веры» [Там же, л. 3 – 4 об.] А, во-вторых, Велепольский считал, что вводимые правительством ограничения носят уже не характер репрессии, а представляют собой политику прямой русификации или, как выражается автор, денационализации Польши. К репрессивным мерам он относил законы, направленные против дворянского

землевладения, ограничение права службы, ликвидацию ряда государственных учреждений, однако изгнание национального языка из многих сфер общественной жизни, преследование католического вероучения никакой репрессией объяснены быть не могут. Это – прямая денационализация польской народности, которая вызывает в ней «стойкий дух противодействия» [Там же, л. 1 об.] и разжигает рознь между двумя народами.

Русификация народной школы и образования вообще, по мнению графа, превращала школу из образовательного и воспитательного института в политическое орудие. Это вело к оттоку учащихся и росту безграмотности среди населения, что крайне отрицательно сказывалось на его лояльности по отношению к российским властям, способствуя восприимчивости «всякой тайной науке», радикальным учениям, антиправительственной агитации [Там же].

Следует отметить, что резкое сокращение численности обучавшихся в польских школах вследствие их «обрусения», негативно влиявшее на обстановку в регионе, отмечали многие современники, в том числе представители имперской администрации, такие, как варшавский генерал-губернатор И. В. Гурко [7, с. 53]. Сокращение числа учащихся было вызвано еще и тем, что зачастую вводимые учебные курсы были направлены на дискредитацию польской культуры, истории, религии [12, с. 246-250]. Таким образом, у графа Велепольского были веские основания указывать на данные негативные явления в своем письме.

Словно-идеологическое единство польской социально-политической элиты и российских властей граф Велепольский ставил выше национальных различий. Он открыто говорил о том, о чем подразумевалось в других обращениях, – о необходимости сплочения консервативных сил двух наций перед лицом вызова революционного радикализма, равно угрожавшего и Польше, и России. Подчеркивая то, что для борьбы с противоправными социалистическими и радикальными элементами «правительству необходимо опереться на сильную партию людей умеренности и порядка», граф открыто указывал на взаимную необходимость сотрудничества русской и польской правящих элит, которое невозможно в условиях притеснения последней. Он утверждал, что пока даже к самым консервативным и «здоровым» элементам края «правительство будет относиться недоверчиво... эти умеренные элементы будут бессильными» [4, д. 508, л. 5 – 5 об.].

В конце своего обращения граф Велепольский кратко обрисовывает контуры «программы консервативных сил края», основные тезисы которой состояли в отказе от какой-либо политической «обособленности» Царства Польского, свободе вероисповедания, «культивировании родного языка и права пользоваться им в общественной и частной жизни», «справедливом пересмотре языковой границы», за которой, как он осторожно высказывался, «господство государственного языка необходимо, но не в смысле тормозящем свободу польского в общественной и частной сферах». Помимо этого, граф, как и все остальные польские корреспонденты министра внутренних дел, призывал к упразднению всех ограничений, наложенных на Польшу после Январского восстания, и распространению на неё общероссийских учреждений [Там же, л. 6-7].

Следует обратить внимание на то, что взгляды Велепольского во многом соответствовали распространявшемуся в России в конце XIX века в консервативной среде призыву к отказу от национальной русификации западных окраин империи при неуклонном соблюдении русификации государственной, состоящей в сохранении ими политической лояльности и поддержке правящего режима [11, с. 363-364].

Иным по тональности было письмо графа Адама Красинского, также отправленное Святополк-Мирскому в ноябре 1904 г. Это обращение более требовательно, в нем, наряду со стремлением к конструктивному диалогу с властью, присутствует эмоционально окрашенное оправдание польского национализма, более острая критика имперской политики в отношении Польши.

В первую очередь, Красинский отказывался трактовать Январское восстание как «преступление», подчеркивая, что поляки имели на него «моральное право», какое имеет любой народ перед лицом вооруженного насилия. С точки зрения автора письма, события 1863-1864 гг. были стихийным протестом, героическим «восстанием граждан, пробуждающихся в своем национальном самосознании» [4, д. 152, л. 1 об.]. Его подавление не означало, что поляки смирились со своей участью. Красинский заявлял, что они не могут примириться с государством, «которое по отношению к ним применяло неизменно политическое наказание, политическое возмездие уже ко второму со времени восстания поколению» [Там же, л. 2 об. – 3 об.].

Наряду с общими требованиями, высказываемыми всеми представителями польской общественности, такими, как прекращение преследования католической церкви, восстановление польского языка в образовании, администрации и общественной жизни, введение в Польшу общегосударственных учреждений, Красинский настаивал на необходимости развития просвещения в крае путем дозволения создания научных обществ, общественных и просветительских организаций (музеев, библиотек, образовательных учреждений).

Основной лейтмотив обращения Красинского к Святополк-Мирскому был схож с многочисленными обращениями к премьер-министру представителей русской общественности этого же периода. Он состоял в необходимости противодействия бюрократическому централизму, душащему всяческие общественные инициативы, и в проведении комплекса преобразований, программа которых должна быть выработана в тесном сотрудничестве со «здоровыми» общественными силами. Лишь тогда, когда к власти в империи придут государственные люди, готовые сотрудничать с польским обществом, «не взиравшие на него с нескрываемым недоброжелательством и даже отвращением», в нем постепенно исчезнут отторжение и антирусские настроения [Там же, л. 9].

Конструктивная платформа, на основе которой было возможно взаимовыгодное решение польского вопроса, по мнению Красинского, включает в себя три базовых принципа – равноправие, религиозная толерантность, компромисс в языковом вопросе, состоящий в предоставлении польскому языку широких прав, «без умаления авторитета государственного языка в области государственных дел» [Там же, л. 8].

Письмо Красинского находилось в общем либерально-консервативном дискурсе, получившем широкое распространение в российском обществе в период «правительственной весны», не ограничиваясь исключительно региональной проблематикой, но ставя на повестку дня пересмотр самой модели государственного управления, что должно было найти понимание у министра, провозгласившего «эру доверия» власти к общественным силам.

Не останавливаясь детально на всех многочисленных обращениях к князю Святополк-Мирскому осенью 1904 года, основные идеи, содержащиеся в них, можно свести к следующим положениям:

1. Предлагалось немедленно приступить к отмене всех дискриминационных и ограничительных мер, принятых после Январского восстания 1863-1864 г. в области землевладения, службы, образования, вероисповедания и богослужения. 2. Указывалось на необходимость распространения на Царство Польское общегосударственных учреждений, таких, как земские органы самоуправления и суд присяжных. В ряде обращений (например, в записке Тышкевича) уточнялось, что основной единицей вводимого сельского и городского самоуправления должна стать гмина. 3. Авторы настаивали на полном восстановлении права пользования польским языком (наряду с государственным языком – русским) в учебных заведениях, суде, администрации, местных учреждениях. 4. Представители польской общественности отстаивали право свободного замещения поляками любых должностей на государственной и общественной службе. 5. Указывалось на необходимость восстановления полноправия римско-католической церкви, снятие полицейского надзора за деятельностью священнослужителей, восстановление Варшавской Римско-Католической духовной академии и других духовных учебных заведений. 6. Польские интеллектуалы выступали за снятие административных препятствий для развития польской науки, просвещения, культуры и образования.

Своеобразным лейтмотивом всех вышеназванных обращений можно считать эмоциональный призыв бывшего помещика С. Маевского, судя по всему, испытавшего на себе тяготы репрессивных мер: «Пора уж перестать наказывать детей за провинности их отцов!» [Там же, д. 1078, л. 1].

Эти обращения польских общественных деятелей, разные по тональности и степени лояльности, представляют собой яркий пример поиска компромисса, идущего не от имперского центра, а от окраины, инициаторы которого стремились сконструировать новый вариант «мирного строения» Польши в составе Российской империи. На данном этапе вопрос о политической автономии Польши не ставился никем из корреспондентов министра внутренних дел. Польские аристократы и интеллектуалы были готовы сотрудничать с имперской администрацией на основе предоставления Царству Польскому элементов культурной автономии и отказа от денационализаторской политики в его отношении.

Анализ основных тезисов указанных писем позволяет пересмотреть сложившееся устойчивое представление об априорном доминировании «конфликтности» в настроениях польской элиты относительно имперского центра. Общее направление внутренней политики, обозначенное Святополк-Мирским осенью 1904 г., дает серьезные основания предполагать, что в случае ее успешной реализации программы, отстаиваемые польскими умеренными силами, частично могли бы быть реализованы в рамках диалога власти и общества, горячим сторонником которого выступал министр внутренних дел.

Однако его пребывание на данном посту было кратковременным и завершилось революционным всплеском, охватившим как империю в целом, так и ее польскую окраину. В условиях стремительной радикализации общественных настроений основные положения польской национальной программы будут отстаиваться в иных формах. «Сценарий диалога» вновь уступит место «сценарию конфликта», разрешить который имперские власти в силу комплекса объективных и субъективных причин окажутся не в силах.

Список источников

1. Бахтурина А. Ю. Государственная власть и общественно-политическая элита на Западных окраинах Российской империи (1905-1907 гг.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 4-5 декабря 2012 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2013. С. 272-284.
2. Богданович А. В. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. 608 с.
3. Всемирная иллюстрация. 1891. № 1170. 22 июня.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1729. Оп. 1.
5. Долбиллов М. Д., Правилова Е. А. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
6. Думин С. В., Гребельский П. Х. Князья Святополк-Мирские и дворяне Мирские // Дворянские роды Российской империи: в 10-ти т. / науч. ред. С. В. Думин. М.: Ликоминвест, 1995. Т. 2. С. 214-216.
7. Лопатина Е. Б. О попытках усилить позиции православия в Привислинском крае в конце XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6. Ч. 2. С. 52-55.
8. Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4-х т. / отв. ред. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. 768 с.
9. Северо-западный край. 1904. № 539. 28 августа.
10. Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 714 с.
11. Krot M. N., Dmitrieva N. V. Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the Late XIX Century // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 47 (1). С. 360-369.
12. Mozdzen S. I. Historia wychowania. 1795-1918. Kielce: Wyd. Stachurski, 2000. 398 s.
13. Paszkowska M. Włodzimierz Spasowicz – Polak z Białorusi. Szkic do portretu // Wielokulturowość polskiego pogranicza. Ludzie – idee – prawo. Białystok: Wyd. Prawnicze lexisnexus sp. z o.o., 2003. S. 375-379.

**“IT’S TIME TO STOP PUNISH CHILDREN FOR THEIR FATHERS’ SINS...”:
POLISH HOPES IN THE “EPOCH OF TRUST” (AUTUMN, 1904)**

Krot Maksim Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don
Southern Federal University, Rostov-on-Don
mnkrot@sfn.ru

In autumn 1904 the Interior Minister P. D. Svyatopolk-Mirsky proclaimed “the epoch of trust to social forces” and the Polish intellectuals, who adopted a conciliatory attitude, began to hope that the government would change its discriminatory policy towards the Polish lands. These hopes were manifested in a number of appeals to the Minister. The article examines the basic provisions of the suggested new model of interaction between the imperial centre and the Polish periphery. The analysis of these letters helps to reconsider the conception of an unambiguously antagonistic attitude of the Polish elite towards the imperial centre.

Key words and phrases: The Russian Empire; The Kingdom of Poland; prince P. D. Svyatopolk-Mirsky; national issue; V. D. Spasovich; earl V. Wielepolski; appeals to the authorities; Russification.

УДК 94

Дата поступления рукописи: 04.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.6>

Статья посвящена вопросу культурной трансформации нового пространства на этапе существования фронта в Маньчжурии на Дальнем Востоке. Авторы рассматривают деятельность эмигрантов Российской империи и изменения культурного ландшафта Маньчжурии в результате колониального освоения. Новая территория формировалась одновременно с Российской империей, но при этом представляла собой территорию инноваций. В работе применяется понятие “colonial bioprospecting”. Роль биоразведки была очень высока при колониальной экспансии Российской империи в разные исторические периоды.

Ключевые слова и фразы: колонизация; приграничье; трансграничье; колониальная биоразведка; культурная гибридность; Маньчжурия; Харбин; российская эмиграция; КВЖД; трансграничная коммуникация; Российская империя; Китай.

Мещеряков Александр Юрьевич

Антропов Олег Константинович, к.и.н., доцент

Астраханский государственный университет

daomesheryakov@gmail.com; olegantropov1@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ МАНЬЧЖУРСКОГО КРАЯ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069

«Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Трансграничные миграционные потоки, колониальная конкуренция империй за территорию, индустриализация, активное перемещение иностранных капиталов, изменение культурного ландшафта в конце XIX – начале XX в. заставляли императорскую власть по-новому взглянуть на возможности расширения собственных территорий и задачу защиты своих границ от нежелательных сил. Вместе с тем две концепции – трансграничье (*transborder*) [34, р. 20-22] и приграничье (*border, boundary*) [29] – позволяют проанализировать различные процессы в истории взаимодействия России и Китая. **Актуальность** данного исследования заключается в том, что на сегодняшний день применение концепций трансграничного и приграничного взаимодействия в изучении истории России и Китая представляет интерес, так как позволяет по-новому взглянуть на исторические процессы взаимодействия государств в приграничных зонах. Подобные исследования в отечественной истории ранее не проводились. Данная статья является продолжением статей, посвященных анализу трансграничного пространства России и Китая в конце XIX – начале XX в. [4; 15]. **Задачами** данного исследования являются: проанализировать отдельные аспекты культурной гибридности на приграничной территории России и Китая для изучения формирования нового культурного ландшафта и общества нового типа в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в.; рассмотреть особенности биопроспектирования в Маньчжурии с целью изучения конструирования российской имперскости и новой модели колониального развития.

В XX в. этот регион затронули великая русская революция, гражданские войны в обеих странах, попытки добиться независимости, японское вторжение, использование принудительного труда, приток эмигрантов и активная работа контрразведки с обеих сторон.

2,5 тысячи километров железной дороги, с широкой полосой отчуждения, идущей по арендованной территории приграничного Китая, в конце XIX в. было явлением необычным, агитирующим иностранные умы. Правительство Российской империи старалось не допустить иностранцев в Маньчжурию [24, с. 77].